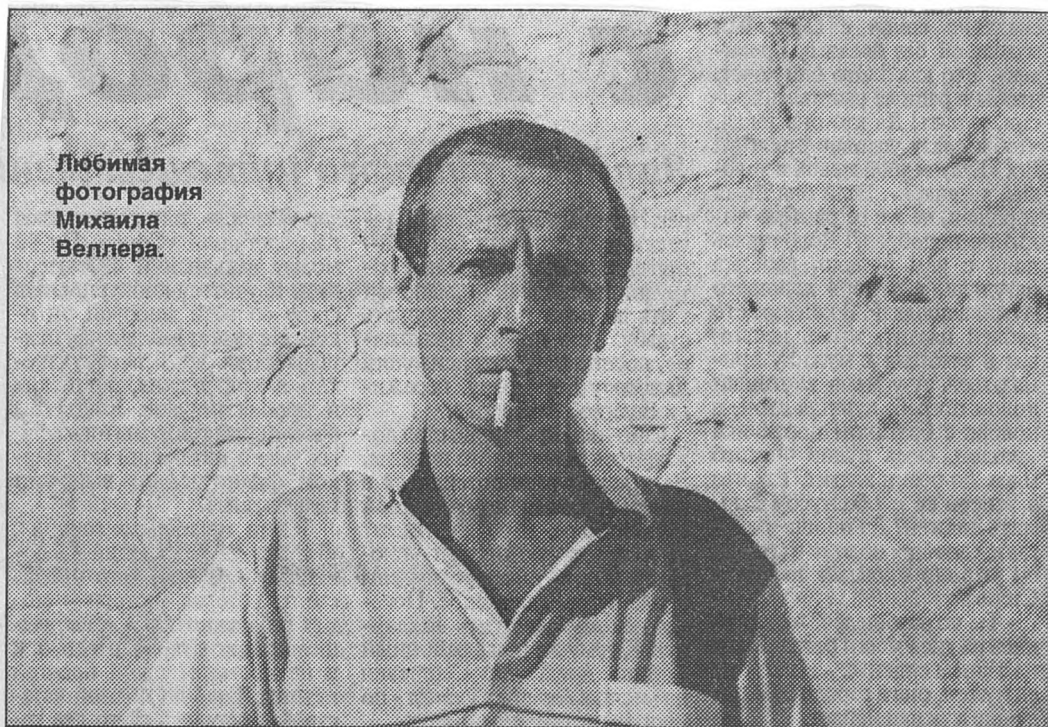

Любимая
фотография
Михаила
Веллера.

Можете посмеиваться над книжными списками, читая его имя в одном ряду с Достоевским и Пушкиным. Можете уххатываться над его «Легендами Невского проспекта» и презрительно откидывать в сторону скандальный «Самовар». Как бы ни было, Михаил Веллер остается самым издаваемым сегодня писателем, живым, так сказать, классиком, готовящимся отметить полувековой юбилей.

Михаил Веллер:

Наш правда. - 1998. - 5 мая. - с. 4.

Не хочу проходить по ведомству моды!

- Вот вы, Миша, и стали модным. Все удается, все оценено, читатели любят, друзья больше не предают, а, наоборот, мчатся к вам веселым роем...

- Веселым роем «Мессершмитты» взмыли в воздух... Мне было бы неприятно считать себя модным, потому что мода - условность, которая преходяща. Чем отличается модный автор от просто приличного? Модный - это раскрутка дутика: было и нету. А хороший может ни к чему не прибегать, за него работает то, что он делает. Мне хотелось бы верить, что я прохожу не по ведомству моды.

- И тем не менее: не будете же оспаривать, что у писателя Веллера вышло 40 книжек!

- Это так, но в 35 лет у меня была всего одна книжка, в сорок - две, а все остальные появились в последние три года.

- И в каких же кадушках соли-те деньги?

- Глупости! В России литературой не заработаешь! Отвечаю чистосердечно: все свободные деньги пускаю на то, чтобы куда-то слетать, посмотреть и пожить, где хочу, не отказывая себе в мелких радостях. Типа: съездить то, что хочется, брать такси, потому что устал, лететь хорошей авиакомпанией, потому что приятно. Я в свое время столько по Союзу находился в «зайцах» - на попутках, на третьих полках, что образ жизни противоположный доставляет удовольствие. А вообще же вкусы мои простонародные, привыкнуть к икре я как-то не успел. Поэтому больше всего люблю суши и халву - их много не съешь.

- Я лишь хотела сказать, что вы являетесь наиболее живым из наиболее издаваемых российских писателей.

- Я бы сказал: видимо, из некоммерческих авторов я издаюсь больше других, а из издаваемых много я - единственный некоммерческий.

- Сказала слово «российский» и задумалась - а вас им назвать-то можно?

- Это вечная тема литературного института прописки: меня давно уже задо-ставала. Литература реализуется через язык. Роскошное разделение на русских и русскоязычных могло родиться только в безумных головах постсоветской псевдоинтеллигенции. Представ-

те себе: американоязычный парижский писатель Скотт Фицджеральд... Англоязычный писатель Джозеф Конрад... Слушайте, ну что за бредятина?

- Но проблема выезда за рубеж, которого вы были лишены многие годы, теперь решилась автоматически - как только взяли эстонское гражданство. Ну и как живет в эмиграции?

- Лично мне - как жилось, так и живет, потому что я всегда был абсолютно частным лицом. Здесь есть преиму-

годно, чтобы вышла книга. А тут у меня были знакомые - и Тэт Каллас, к тому времени уже член союза писателей Эстонии, прочитав мои рассказы, сказал: что ты с эстонской фамилией Веллер бьешься мордой о ленинградский гранит?

- Знаете, что меня просили узнать ваши поклонники? Что случилось с интеллигентным писателем Веллером, который в последней книге «Самовар» снизошел до такой откровенной пошлости, что стыдно читать...

ните незнайке, отыщите мысль, я эту мысль положу в коробочку и буду с ней знакомиться каждое утро. Я не нашел у Миллера ни одной мысли! И почему вот это - литература, а 12 страниц из 400 здесь - порнография?

- Светлана Сорокина, запечатленная вами - гм-гм... - во всей красе, думает так же?

- Я не имею ничего против достойной, умной и симпатичной Светланы Сорокиной, с которой никогда не был знаком, но она прекрасно знает, что она, условно говоря, была секс-символом российского телевидения. Так вот, представьте себе мужиков, которые лежат в больничной палате, и их эротические фантазии... Это могла быть не Сорокина, а любая другая. Я готов спорить, что в старости она будет с удовольствием перечитывать эти глубоко симпатизирующие ее женской прелести страницы.

- Надеюсь, это не единственный вывод, с которым вы пришли к своему юбилею?

- Я имею две радости в плане работы. Радость первая: всего, что хочется написать, - не переписать. А вторая: что с Божьей помощью я подогнал к условному концу главный кусок главной книги объемом в 600 машинописных страниц, которая называется «Все о жизни». Эта книга про то, почему мир устроен так, что человек хочет быть счастливым, а в результате получается черт-те что. Эта книга раскручивалась с известной вещью: почему у человека никогда нету всего, чего ему надо? Почему ему всегда мало, а если дать все, о чем он мечтал, то через какое-то время ему все равно делается скучно. Сначала он начинает изобретать одно, потом другое, он живет все лучше, нагромождает себя какими-то обязанностями, ломает горб ради квартиры, которая ему велика, одежды, хотя старая еще отличная. Мудрецы говорят: не мучься, поселись в бочке! Он не хочет в бочке, он понимает, что счастье - внутри, а не в достижении чего-то внешнего, и все равно стремится к чему-то внешнему. И получается, что счастье - пряник, которым природа заставляла человека действовать, а страдания - кнут, которым она заставляла человека действовать.

Галина САПОЖНИКОВА.
(Наш соб. корр.).

Таллин.

БАЙКА. ПОЧТИ ИЗ СКЛЕПА О том, как Веллер взял да умер

Однажды он понял, что уровень его известности действительно достиг критической отметки. Прошлым летом встречается со старым приятелем в Питере, у мет-ро. Август, тепло, книжные лотки. Приятель бросается к нему, лопаясь от хохота, и говорит: слушай, пойдем вот к тому ларьку. И рассказывает историю: подходит он к книжному развалу и спрашивает: «А новенького Веллера ничего нет?» Продавец отвечает: «И не будет больше. Умер». Приятель: «Когда?» «А вы что, не слыговаривали!» - «Да он с полгода назад умер - по телевизору передавали». Приятель: «Я вам сейчас его приведу!» Продавец: «Он весь в белом будет или только в белых тапочках?» И тут приходит живой Веллер и тихо радуется, потому что, во-первых, это - примета хорошая, а во-вторых, хорошо, когда в народе про тебя го-ворят.

шество: Эстония для письменника - идеальное государство. Которое не видишь, не знаешь, кто премьер-министр, которое является просто воплощением мечты идеала Конфуция: государство, которое не замечаешь. Это очень хорошо: можно думать о своем.

- Можно ли тогда назвать факт вашего проживания в Таллине пребыванием на даче?

- Когда я приехал, это была не то чтобы дача: это отчаявшаяся крыса прибежала на тонущий корабль, чтобы укусить хоть веревочку от колбасы, потому что уже жрать-то нечего, ну хоть нюхнуть еще воздуха, потому что ее лодка уже утонула, причем не в воде океанской, а в дерьме каком-то. Я приехал сюда, потому что здесь был шанс издать книгу в издательстве «Ээсти Раамат» - это было единственным издательством из тех десятков, в которые я обращался. Я бы уехал в Кушку, Архангельск - куда

видеть: если я вдруг ненароком заходил в журнал «Дружба народов» выпить кофе, то все редакционные дамы немедленно толпились в приемной, якобы не то что-то подмазывая, не то поправляя колготки, не то обсуждая какую-то рукопись... Они туда что - пришли смотреть на великого писателя? Да к ним бы Шекспир пришел - они бы не выползли! Они пришли посмотреть на того, кто написал 12 страниц траха в прямых выражениях! В то время как одна израильская знакомая сказала мне с симпатией: «Ты знаешь, на этой главе я проехала на автобусе на две остановки мимо дома, чего со мной не было уже пять лет». По-моему, она говорила честнее... Иногда хочется встать в беспомощную, слабую и обиженную позу и закричать: «Да вы же, совсем глупые?» Ну почему Джойсу можно, почему Миллер - это литература, а не порнография? Объяс-